

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 15–27, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).083

Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

Пак Бэлла Борисовна¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, Москва 107031, Российская Федерация)

доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0400-4917>. E-mail: pakbell7@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию характера российско-корейских отношений и деятельности российской дипломатии в Корею накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *Цель.* Рассматриваются усилия российской дипломатии в указанный период по обеспечению самостоятельного существования Корейского государства и предотвращению окончательного перехода этой страны под власть Японии, активная поддержка ею попыток корейского императора Коджона сохранить независимость страны, ее противодействие настойчивым попыткам японской стороны запугать Коджона с целью заключения соглашения об установлении над Кореей японского протектората. *Материалы.* Документы Архива внешней политики Российской империи, впервые представленные в этом исследовании, рассматривают характер русско-корейских отношений и деятельность российской дипломатии в Корею накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. *Методы.* Применены исходные принципы исторической науки, а именно: принцип историзма, объективного взгляда на исторические явления и сравнительно-исторического анализа событий и фактов. *Результаты.* Показано понимание российской дипломатией национально-государственных интересов в регионе, сводящихся к недопущению превращения Кореи в плацдарм для враждебных действий против русских дальневосточных владений, анализируется роль российских представителей в выработке позиции России по вопросу о признании нейтрального статуса Корейского государства как меры противодействия расчетам японского правительства связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат над ней. Отдельно говорится об усилиях российских дипломатов и агентов по обеспечению правительства данными о планах и возможностях японского командования по подготовке в Корею базы для будущей войны. Особое внимание уделено показу агрессивной политики Японии в Корею.

Ключевые слова: В. Н. Ламздорф, Е. А. Алексеев, А. И. Павлов, Коджон, нейтралитет, независимость Кореи

Для цитирования: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *Oriental Studies*. 2019;(1):15-27. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27

Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905

Bella B. Pak¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation)

Doct. of Historical Sc., Head of Cabinet (Laboratory) of Korean History and Culture; Leading Research Associate, Department for Korean and Mongolian Studies

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0400-4917>. E-mail: pakbell7@gmail.com

Abstract. The article investigates a number of documents contained in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire — thus, introducing the materials into scientific discourse — and explores the nature of Russo-Korean relations and the activities of Russian diplomacy in Korea on the eve of and during the Russo-Japanese war of 1904–1905. The article argues that Russia's main goal regarding Korea was to preserve its independence and territorial integrity. The paper primarily seeks to show the efforts of Russian diplomacy during the period undertaken to ensure the independent existence of the Korean state and prevent the final transition of the country under the rule of Japan. As the author points out, Russia was the first among the powers to recognize the neutral status of the Korean state, being the only power to have condemned Japan's violent course of action in immediate aftermath of its initiated hostilities and proclaimed it be illegal to seize power in the independent Korean state that had declared itself neutral. The article consistently examines the active support by Russian diplomats to the attempts of the Korean emperor Gojong to preserve the independence of the country, their opposition to the persistent attempts of the Japanese authorities to intimidate Gojong to conclude an agreement on the establishment of a Japanese protectorate over Korea. The work provides convincing evidence of the important contribution by Russian diplomats to the establishment of deeply trusting relations between the Russian and Korean imperial houses. Their honesty, decency, sincere concern for the welfare of Korea and its security proved efficient to win the favor and friendship of the Korean emperor who had repeatedly asked for asylum in the Russian mission in case of personal danger and even about assistance for resettling him towards Russia. The paper demonstrates the understanding by Russian diplomacy of the national-state interests in the region which resolved into preventing Korea from becoming a springboard for hostile actions against Russian Far Eastern possessions, analyzes the role of Russian representatives in developing Russia's position on recognizing the neutral status of the Korean state as a measure to counteract the calculations of the Japanese Government to tie Korea by allied commitments in the event of hostilities and establish its protectorate over the latter. The article highlights in detail the joint efforts of Russian diplomats undertaken along with the French mission in Seoul in the absence of the Russian mission there aimed to defend the interests of the Russian Government and private Russian-nationals in Korea. In addition, the article mentions the efforts of Russian diplomats and agents to provide the Russian Government with accurate data about the plans and capabilities of the Japanese top military to prepare a base in Korea for a future war, in particular, on the disclosure of areas where enemy units were located, and on developing routes, providing troops with food supply in Korea in future defensive campaigns. Particular attention is paid to showing the aggressive policy of Japan in Korea.

Keywords: V. N. Lamzdorf, E. A. Alekseev, A. I. Pavlov, Gojong, neutrality, Korean independence

For citation: Pak B. B. Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Oriental Studies*. 2019;(1):15-27. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27

Введение

17 (30) января 1902 г. был подписан англо-японский договор, носивший анти-русскую направленность. Договор давал Японии возможность вступить в войну с Россией, обеспечивая невмешательство держав в вооруженный конфликт на стороне России из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. После заключения англо-японского договора Япония развернула курс на подготовку войны с Россией, которая должна была обеспечить ей захват Кореи и первенствующую роль в разделе Китая.

В этой обстановке Россия, стремясь сохранить свои позиции на Корейском полуострове и не допустить превращения его в плацдарм для наступления Японии на континент, оказывала противодействие ее агрессивным устремлениям и вплоть до русско-японской войны являлась главным внешнеполитическим препятствием на пути японской агрессии.

С середины 1903 г. между Японией и Россией прошла серия переговоров, в ходе которых Россия, стремившаяся предотвратить вооруженное столкновение с Японией, с вероятным вмешательством великих держав в ее поддержку, шла на новые уступки. Японская же сторона предъявляла заведомо недопустимые для российской стороны предложения, носящие характер ультиматума.

Постановка задачи

Настоящая статья имеет своей целью комплексное, основанное на неизвестных ранее материалах Архива внешней политики Российской империи, рассмотрение деятельности российской дипломатии в Корее в период накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., анализ особенностей проводимого ею курса в отношении Кореи, отношение российской дипломатии к аннексионистским планам Японии.

Основная часть

Накануне войны российские дипломаты и агенты в Корее и в Японии сообщали многочисленные факты, безошибочно указывающие на деятельную подготовку Японии к военным действиям на корейской территории. Российский посланник в Токио Р. Р. Розен сообщал в секретной телеграм-

ме от 21 декабря 1903 г. (3 января 1904 г.) о признаках решимости японского правительства приступить в ближайшем будущем к осуществлению поставленной им себе задачи в Корее, «не останавливаясь ни перед каким риском войны с Россией, для которой Япония во всех отношениях вполне готова». По его мнению, «в этих только видах поддерживается мобилизационная готовность всей армии и в этом же смысле должны быть истолкованы последние мероприятия японского правительства, в т. ч. и последовавший на днях приказ о собрании в порте Удзина транспортов, способных поднять примерно одну дивизию» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 280].

Внимание МИД обращалось и на то, что с середины декабря 1903 г. непрерывно подвозились в Инчхон, Сеул и на промежуточные пункты Сеул-Чемальпоской [Инчхонской] железной дороги значительные запасы провианта, фуража и боевых припасов, прибывали новые партии японских жандармов и военных чинов. Японским правительством было зафрахтовано для военной транспортной службы 60 пароходов, половина которых предназначалась для надобностей флота. Розен в секретной телеграмме от 19 января (1 февраля 1904 г.) высказывал догадку, что японцами преследуется цель обеспечить себе командование морем в Печилийском заливе, чтобы иметь возможность высадить войска на западном берегу Северной Кореи [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 41].

Российскими дипломатами в Корее сообщались в Петербург также сведения об отправлении на север Кореи и, в частности на границу с Маньчжурией, большого числа японцев, переодетых в корейское платье и хорошо владеющих корейским языком. Российский вице-консул в Фузане Козаков уведомлял российского посланника А. И. Павлова, что как в названном порте, так и в Масанпхо агентами японского военного ведомства заготавливаются запасы топлива и нанимаются японцы, переводчики корейского языка [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 41]. По их расчетам в Сеуле, Инчхоне и окрестностях было заготовлено провианта и фуража, достаточно для прокормления в течение 3-х месяцев 5–10-тысячного корпуса японской армии.

На основании этих данных русские дипломаты приходили к заключению, что предстоящая высадка значительных японских военных сил и занятие ими корейской территории была предreshена японским правительством [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 5–6].

В телеграмме министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа 13 января 1904 г. российскому посланнику в Токио Р. Р. Розену поручалось при объяснениях с Комуры обратит его внимание на «неблагоприятное впечатление, которое производят эти, ничем не вызываемые с нашей стороны военные мероприятия в ту минуту, когда между обоими Правительствами ведутся мирные переговоры о заключении соглашения по Корейским делам» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 42].

Настроение как в корейских придворных сферах, так и среди населения Сеула было очень тревожное в связи с распространявшимися японцами слухами об окончательно принятом японским правительством решении объявить войну России, об ожидаемой со дня на день высадке японской армии в Корею и о готовящемся будто бы японцами умерщвлении императора вместе с наследным принцем и теми немногими приближенными к императору корейцами, которые числились на счету у японской миссии как враждебные ей сторонники России [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 1].

Само нападение, согласно тем же слухам, должно было произойти 27 декабря, сразу по окончании назначенной на этот день церемонии перенесения останков покойной вдовствующей королевы из дворца в расположенную рядом с оградой русской миссии кумирню.

По мнению российского посланника в Сеуле, распространявшиеся из японских источников слухи о подготовке беспорядков, о грозящей корейскому императору опасности и ожидаемой со дня на день высадке японской армии в Корею и начале военных действий с Россией имели, прежде всего, целью запугать Коджона и вынудить у него согласие на заключение соглашения об установлении над Кореей японского протектората [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 4].

Такой же смысл, по мнению А. И. Павлова, имело и упомянутое им в секретных телеграммах от 20 декабря сообщение,

сделанное японским посланником в Корею Хаяси французскому представителю, о том, что японское правительство, опасаясь революции в самой Японии, «вынуждено прибегнуть к таким мерам, которые, вероятно, сделают войну с Россией неизбежной» [Пак 2004: 357; АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 190. Л. 66; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 277].

А. И. Павлов в донесении Ламздорфу от 8 января 1904 г. выражал уверенность, что подобные сообщения были сделаны японским посланником и другим иностранным представителям в Корею в расчете, что последние при объяснениях с корейскими министрами могли подтвердить им, что Корею угрожает серьезная опасность и что императору и правительству благоразумнее поспешить добровольно отдалиться под покровительство Японии [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 4–5]. В этом А. И. Павлов оказался прав. Вскоре Коджон уведомил его, что японский посланник «усиленно настаивает» на немедленном принятии японского проекта соглашения о протекторате, на открытии Йонампо и на обеспечении за японцами железной дороги до Ыйджу, угрожая, что в противном случае война Японии и России неизбежна и император поплатится жизнью. Навязываемый проект соглашения включал статью о назначении в Сеул японского резидента для руководства внутренней и внешней политикой [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 309]. А. И. Павлов старался убедить корейского императора ранее окончания переговоров в Токио и прежде времени не связывать себя с Японией никакими новыми обязательствами.

Телеграммой от 17 (30) декабря А. И. Павлов уведомил В. Н. Ламздорфа и Е. И. Алексеева о том, что корейский император через дворцового евнуха намекнул на возможность обращения его в случае личной опасности с просьбой о предоставлении ему убежища в русской миссии и даже о содействии для переселения его в пределы России [Пак 2004: 357; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 253].

Российский посланник постарался успокоить Коджона и внушить ему, что оставление им дворца и переход в русскую миссию в тот момент, когда между российским и японским правительствами продолжают мирные переговоры, непосредственно связанные с вопросом о судьбе Корейско-

го государства, могли бы неблагоприятно отразиться на их исходе и что «именно высказыванием полного спокойствия и соблюдением крайней осторожности Император вернее всего может обеспечить свою личную безопасность» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 2].

Однако Коджон не оставил намерения покинуть дворец и искать убежища в русской миссии. А. И. Павлову было сообщено, что корейский император, вероятно, воспользуется для этого предстоящей церемонией перенесения останков покойной королевы с тем, чтобы прямо из кумирни, не возвращаясь во дворец, направиться к существующей в ограде русской миссии напротив кумирни небольшой двери.

В секретных телеграммах от 20 и 21 декабря А. И. Павлов сообщал, что Коджон со всем семейством переселился из занимаемых им дворцовых построек вблизи главных ворот, обращенных к улице, ведущей к японскому кварталу, в другое помещение, расположенное у малых ворот, ближайших к двери в ограде русской миссии, и окружил всю площадь, занятую дворцом и с внешней стороны окружающих его стен, кроме стороны, обращенной к русской миссии, сплошным рядом из 2 500 солдат [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 279].

Для защиты миссии и проживающих в Сеуле русских в случае ожидавшихся дворцовых волнений русский посланник предложил представителю Лесопромышленного товарищества барону Гинцбургу со служащим у него русским персоналом перебраться в смежный с миссией дом. По соглашению с наместником на Дальнем Востоке А. И. Павлов распорядился о высылке в миссию со стоявшей в Инчхоне канонерской лодки «Гиляк» десанта в 10 человек, который был затем заменен десантом с эскадренного броненосца «Севастополь» в количестве 60 человек [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 4; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 260].

Со своей стороны А. И. Павлов старался поддержать в корейском императоре «бодрость духа» и убеждал его остерегаться неосторожных обязательств по отношению к Японии, которые могли бы «парализовать наши усилия обеспечивать независимое существование Корейского государства и предотвратить окончательный переход этой страны во власть Японии» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 6].

Относительно намерения корейского императора укрыться в российской миссии в Сеуле В. Н. Ламздорф секретной телеграммой от 18 декабря 1903 г. запросил заключения Е. И. Алексеева [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 260].

Е. И. Алексеев в ответной телеграмме 19 декабря 1903 г. (1 января 1904 г.) заявил, что не находит возражений для отказа Коджону в просьбе принять его в русскую миссию. «Корейский император, как правитель страны, независимость которой никакой Державою не оспаривается, — писал он, — полагаю, вполне волен в минуты грозящей ему опасности искать убежища под покровительством одной из дружественной нации... Несомненно, событие это, как и в 1896 г., будет весьма неприятно для Японии, но ныне, когда японское самоуправство в Корее попирает все существующие договоры, Императору в действительности не остается ничего другого для спасения своей жизни, как искать убежища у представителя Державы, на которую Корейский Император и народ давно уже взирает как на свою единственную и верную покровительницу» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 265].

8–9 февраля 1904 г. японский флот начал боевые действия против входивших в состав Тихоокеанской эскадры русской канонерской лодки «Кореец» и крейсера «Варяг». В результате этого первого морского сражения (Инчхонский бой), в ходе которого «Кореец» был взорван, а «Варяг» — затоплен, японцы приступили к высадке войск в Инчхоне (Чемульпо). Тогда же, в ночь на 9 февраля 1904 г. японские миноносцы внезапно атаковали российскую эскадру в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война 1904–1905 гг., которая проходила на части территории Кореи и сыграла роковую роль в истории корейского государства.

8 февраля 1904 г. МИД предписало всем российским представителям за границей «привлечь самое серьезное внимание Держав на насильственные мероприятия, к которым прибегло Японское Правительство по отношению к Корее», а также сообщить правительствам, при которых они аккредитованы, что «Независимость и неприкосновенность Кореи, как вполне самостоятельного государства была признана всеми Державами. Незыблемость этих основных принципов подтверждена статьею 1-ю Симоносекского трактата, договором специ-

ально с этой целью заключенным между Англией и самою Японией 17/30 января 1902 г.; а также Франко-русской декларацией 3/16 марта того же года».

В секретной циркулярной телеграмме министра иностранных дел российским представителям за границей 8 (21) февраля 1904 г. сообщалось об обращении корейского императора еще в начале января по телеграфу ко всем державам с заявлением о соблюдении им строгого нейтралитета, в предвидении опасности столкновения между Россией и Японией, и занятия последней территории Кореи своими войсками в таком случае, что впоследствии и подтвердилось.

Российское правительство признало вопиющим нарушением законов международного права тот факт, что японское правительство, вопреки всем договорам, своим собственным обязательствам и наперекор основным законам международного права:

1. «Приступило, даже до открытия военных действий против России, — к высадке своих войск в пределы независимого Корейского государства, заявившего о соблюдении им нейтралитета.

2. Совершило отрядом своей эскадры вероломное нападение 26 января, т. е. за 3 дня до объявления войны, на находившиеся в нейтральном порте Чемульпо — 2 русских военных корабля, командиры коих не могли быть извещены о разрыве сношений с Японией, вследствие умышленного уничтожения японцами за несколько дней перед тем кабеля, принадлежащего Датскому Обществу, и Корейских правительственных телеграфных проводов. Подробности возмутительной атаки, коей подверглись вышеозначенные русские суда, заключаются в опубликованных официальных телеграммах Российского Посланника в Сеуле.

3. Лишило личной свободы некоторых из проживавших на нейтральной территории в Корее русско-подданных.

4. Вопреки существующим на сей предмет международным постановлениям захватило в качестве военной добычи русские коммерческие суда, находящиеся в японских и корейских портах.

5. Заявило Корейскому Императору чрез Японского Посланника в Сеуле, что отныне Корея будет находиться под управлением Японии, предупредив, что в случае непокорности, Японские войска займут дворец.

6. Обратилось чрез Французского Посланника в Сеуле с предложением к Русско-

му официальному Представителю при Корейском Императоре о выезде из страны со всем составом Миссии и консульств».

Заявляя о своем протесте против образа действий японского правительства, российское правительство призывало другие государства разделить точку зрения России и предупреждало, что «с минуты незаконного захвата Японией власти в Корее» оно признает недействительными «все те распоряжения и заявление, которые последовали бы от имени Корейского Правительства» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 146–148].

28 января (10 февраля) 1904 г. японцы захватили в корейских водах принадлежащие Тихоокеанскому Китобойному Обществу промысловые суда [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 199, 284], нарушив изданный ими же указ от 27 января 1904 г., на основании которого подлежали освобождению от секвестра все русские суда, покинувшие японские порты до 3 февраля.

В донесении В. Н. Ламздорфу от 12 (25) января 1904 г. А. И. Павлов сообщал о том, что еще 1 (14) января о решении корейского императора Коджона сделать заявление великим державам о соблюдении Кореей нейтралитета в случае разрыва отношений между Японией и Россией ему сказал флигель-адъютант корейского императора Хён Санген, ездивший с секретным поручением в Санкт-Петербург и возвратившийся после посещения наместника Дальнего Востока из Порт-Артура 30 декабря (12 января) 1904 г. Он также передал А. И. Павлову просьбу Коджона взять на себя отправку соответствующих телеграмм через Шанхай, через российское генеральное консульство, что российский дипломат исполнил, считая, что сохранение Кореей нейтралитета в значительной степени расстроит планы Японии связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат над ней. Чтобы не дать японцам узнать их содержание при отправке из Сеула по японскому телеграфу, телеграммы были доставлены на германском крейсере «Hanse» в Порт-Артур в пакете на имя секретаря наместника Дальнего Востока Г. И. Плансона, отправившего его корейскому вице-консулу в Чифу, французскому Гереу для пересылки иностранным кабинетам и корейским посланникам при иностранных дворах [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 8–12].

А. И. Павлов был убежден, что принятая императором мера «представляется для нас довольно благоприятною, особенно принимая во внимание ту настойчивость, с которою Японское правительство добивается подписания соглашения о содействии Корее на случай военных действий и о признании ею японского протектората именно до выяснения окончательных результатов своих переговоров с нами» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 11об.–12].

Не было сомнения в том, что эта мера расстраивала планы японского правительства, поскольку, хотя и остановила Японию в проведении намеченных ею военных мероприятий на территории Кореи, но, несомненно, придала им характер явного насилия и нарушения принципов международного права.

Вслед за этим А. И. Павлов сообщил в секретной телеграмме от 15 (28) января 1904 г. о том, что корейский император передал в Петербург, что в случае фактического разрыва отношений между Россией и Японией он намерен объявить себя союзником России и что он решил сделать заявление о соблюдении нейтралитета исключительно дабы оградить себя против давления и угроз японцев, понуждавших его к заключению союзного договора с Японией [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 90].

В телеграмме от 16 января, В. Н. Ламздорф разрешил А. И. Павлову передать Коджону, что заявление о сохранении Кореей нейтралитета встречено сочувственно императорским правительством [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 92].

21 января 1904 г. корейский император при поддержке российских дипломатов, желая решительно противостоять оказываемому на него давлению и отрезать себе путь к подписанию навязываемого ему соглашения о протекторате и союзе с Японией, обратился к министрам иностранных дел Австрии, США, Англии, Германии, Италии, Китая, России, Франции и Японии с телеграммами за подписью и печатью французского министра иностранных дел, с заявлением о том, что Корейское правительство в случае столкновения между Россией и Японией приняло твердое решение «соблюдать строжайший нейтралитет, каков бы ни был результат ведущихся ныне между названными державами переговоров» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15.

Л. 13; Там же. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 58]. Корейским посланникам за границей по телеграфу же предписывалось сделать тождественные декларации правительствам, при которых они аккредитованы [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 14; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 88об.].

Однако японское правительство отказалось признать нейтралитет Кореи. Провозглашение корейским императором нейтрального статуса не помешало Японии после начала войны с Россией приступить к прямой оккупации территории Кореи своими войсками. Уже к середине марта 1904 г. между Инчхоном и р. Амноккан было сосредоточено более 100 тыс. японских солдат и офицеров, которые стали продвигаться на север, к устью р. Амноккан.

Российскому посланнику А. И. Павлову уже 10 февраля (28 января) 1904 г. японский посланник Хаяси через французского поверенного в делах де Фонтене предложил покинуть Сеул и Корею немедленно ввиду оккупации японскими войсками Сеула и прилегающей территории [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 73].

В ответ на это глава МИД В. Н. Ламздорф в телеграмме А. И. Павлову от (8) 21 февраля 1904 г. предписал ему с составом миссии и консульства не выезжать в Европу, «принимая во внимание, что наши дипломатические сношения с Корейским правительством не были прерваны официально, а лишь временно затруднены вследствие незаконного захвата власти в Корее Японией», и высказал пожелание, чтобы он напротив, не покидал «Крайнего Востока, избрав местом пребывания Шанхай» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 1]. 12 февраля (30 января) 1904 г. весь состав российской дипломатической миссии выехал из Сеула на французском крейсере «Паскаль» в Шанхай.

Охрана зданий русской миссии в Сеуле и интересов и имущества русских подданных в Корее, на время отсутствия в Сеуле российского представителя, была возложена на французское правительство и французского поверенного в делах виконта де Фонтенэ [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 2].

При выезде из Сеула А. И. Павлов официально уведомил всех иностранных представителей, что вынужден временно покинуть Корею со всем составом миссии и кон-

сульства. Нота того же содержания на имя корейского правительства была вручена им французскому представителю. Секретной телеграммой от 9 (22) февраля 1904 г. А. И. Павлов сообщил, что ночью, перед выступлением русских из Сеула, император тайно прислал к российскому посланнику доверенное лицо, чтобы подтвердить решение оказывать России активное содействие лишь только представится фактическая возможность и выразив надежду на скорое вновь водворение русской миссии в Сеуле [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 2].

В Шанхае А. И. Павлов оставался вплоть до ноября 1905 г., занимая пост «российского министра в Сеуле, временно находящегося вне Кореи» и возглавив созданную в апреле 1904 г. по инициативе наместника «Шанхайскую службу», основной задачей которой был сбор секретной информации о Японии и ее вооруженных силах. В корейской секции службы сотрудничали корейцы — русскоподданные. Сообщения Коджона Николаю II передавались через «Шанхайскую службу» [Pavlov 2011: 47].

Россия поддержала нейтралитет Кореи. Вопиющим нарушением принципов международного права назвал занятие японскими войсками территории государства, которое незадолго перед тем заявило о своем нейтралитете, признанном всеми державами, наместник Дальнего Востока Е. И. Алексеев в своей телеграмме от 24 февраля, удостоившейся одобрения Николая II [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53 Л. 435]. На это же обстоятельство было обращено внимание в весьма секретной записке от 23 февраля 1904 г. известным специалистом по международному праву, юрисконсульту МИД профессором Ф. Ф. Мартенсом, по просьбе министра специально занимавшегося изучением данного вопроса в связи с предложением наместника о прекращении доступа к берегам Кореи посредством минных заграждений. Мартенс был против применения минных заграждений у берегов Корейского государства, «с которым Россия не воюет». Главным доводом в пользу отказа от применения минных заграждений он считал тот факт, что Корея, даже если бы она была занята японцами и обратилась в театр военных действий, для России не перестала быть независимым государством [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 344].

Для наблюдения за передвижением японских войск и противодействия их продвижению по Корее в феврале 1904 г. русское командование сформировало и отправило в северные районы Кореи передовой конный отряд под командованием генерал-майора П. И. Мищенко, с которым связаны первые бои между русскими и японскими войсками на суше [Левицкий 1933: 39–40; Пак 2004: 199].

В общей сложности за период с 4 февраля по 21 марта 1904 г. казаками генерал-майора Мищенко была произведена разведка р. Ялу от устья до Пёндона и на востоке до устья р. Чхончхонган [Краснов 1906: 155–156].

Другим событием, связанным с действиями русских войск на корейском театре военных действий, был рейд в апреле–мае 1904 г. 500 кавалеристов под командованием подполковника Мадритова в Чхосан [Козлов 1904: 54].

В конце апреля – начале мая 1904 г. японские сухопутные силы нанесли поражение русским частям в сражениях на р. Амноккан и перешли территорию Маньчжурии.

Тем временем, опираясь на силу своих штыков, японские оккупанты 23 февраля 1904 г. навязали Корее «Японо-корейский протокол», который обязывал договаривающиеся стороны оказывать друг другу взаимную поддержку, и Япония получила право использовать корейскую территорию в качестве базы для военных действий против России.

В марте 1904 г. главный проводник курса на утверждение господства Японии в Корее и во всей Северо-Восточной Азии Ито Хиробуми¹ посетил Корею, после чего в мае японское правительство приняло следующие решения: 1) в свое время Корея делается протекторатом Японии, 2) до этого Япония должна стремиться для достижения практических результатов оказывать политическое, дипломатическое и военное покровительство и содействовать развитию японских интересов в Корее. И граф Кацура, премьер-министр, и барон Комура, министр иностранных дел, опасались, что при немедленном объявлении Японией

¹ Ито Хиробуми (2.IX.1841–26.X.1909) — японский государственный деятель, один из представителей олигархической верхушки империалистической Японии. Японский генеральный резидент в Сеуле (1906–1909).

этих решений, особенно в связи с декларацией о целях войны против России, могут быть возражения других держав, и поэтому приняли план более постепенных действий [Акаги 1936: 141].

19 мая 1904 г. японцы заставили корейского императора издать указ об аннулировании всех договоров между Россией и Кореей. После опубликования этого указа император Коджон через де Фонтенэ сообщил В. Н. Ламздорфу, что он в течение трех месяцев сопротивлялся требованию японцев и уступил наконец, убедившись, что дальнейшее сопротивление поведет к свержению его с престола, но что «он по-прежнему всецело предан России и при первой возможности «отменит указ, изданный им по принуждению японцев под давлением открытой силы» [Пак 2004: 201, 36; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 84–85].

Находясь вне Кореи, русские дипломаты поддерживали контакты с французской миссией в Сеуле в лице поверенного в делах виконта де Фонтенэ. В условиях отсутствия там русской миссии он не раз оказывал ценные услуги в отстаивании интересов российского правительства и частных лиц — русско-подданных в Корее, сообщая важную информацию о действиях японцев в Корее и настроениях в японской армии [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 84, 123]. Так, письмом от 20 мая он сообщил А. И. Павлову, что появление русских казаков в Ыйджу и разрушение ими телеграфных линий, крайне встревожили японцев, после чего находившиеся в Сеуле 7 500 японских солдат были спешно посажены в Инчхоне на суда и отправлены на север Кореи [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 93].

Возвращаясь на родину через Японию и США, бывший французский поверенный в делах в Иокогаме 29 июля на словах поручил командиру парохода «Туран», лейтенанту французского флота «крайне конфиденциально» передать А. И. Павлову через Роспопова, что настроение японского правительства «самое угнетенное», что «единственная его надежда на скорое падение Артура и немедленное заключение затем мира, но что вера в это сильно поколеблена» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 59. Л. 55].

Де Фонтенэ был убежден, что новое появление русских судов у восточных берегов

Японии, разрушение береговой линии железной дороги к югу от Урага или ближе Хамамацу, или же бомбардировка какого-либо пункта поблизости от столицы неминуемо вызовут окончательную деморализацию и, «что самый чувствительный удар Японии был бы нанесен крейсерством хотя бы одного русского судна на линии Сан-Франциско — Иокогама, с целью затруднения подвоза припасов из Америки» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 59. Л. 55]. Посетив при проезде через США российского посланника в Вашингтоне А. П. Кассини, он рассказал о положении в Сеуле. По словам де Фонтенэ, японцы являлись «вполне хозяевами положения и единственное препятствие их замыслам противодействие самого Императора», который относится «с крайним недоверием ко всем японцам и ...старается полным неучастием в каких-либо правительственных актах показать корейскому народу свою враждебность по отношению к Японии и свой взгляд на занятие ею Кореи как на явление временное» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 9].

Пользуясь отъездом виконта де Фонтенэ в Европу, ввиду возвращения в Сеул французского посланника Коллен де Планси, Коджон просил его лично вручить Николаю II письмо от своего имени. Одновременно с вручением письма корейский император передал виконту де Фонтенэ собственноручно написанную им «Программу личного доклада Виконта де Фонтенэ» с перечислением фактов насилия, уже совершенных японцами, и новых требований, на удовлетворении которых они с угрозами настаивали [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 141; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 58 Л. 14; Пак 2002: 140].

Аудиенция французскому поверенному в делах в Сеуле для доклада о корейских делах согласно перечню вопросов, приложенных к письму Коджона, состоялась 24 сентября 1904 г. [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60 Л. 139]. Истинные цели его приезда в Петербург и факт передачи письма Коджона сохранялись в строжайшей тайне [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 132].

Полон сочувствия ответ Николая II на послание Коджона, переданный В. Н. Ламздорфу и затем пересланный секретной телеграммой А. И. Павлову:

«Виконт де Фонтенэ передал нам письмо, в коем Ваше Величество сообщает о

перенесенных Вами тяжелых затруднениях. Могу заверить Ваше Величество, что судьбы Кореи по-прежнему дороги и близки НАШЕМУ сердцу и что чувства дружбы и искреннего расположения, которые Мы питали к Вашему Величеству, остаются неизменными. Относясь с полным участием к переживаемым Кореею испытаниям, надеемся, что для Империи этой вскоре настанут лучшие дни. Мы возобновляем при сем Вашему Императорскому Величеству НАШИ пожелания долгоденствия и уверения в неизменной привязанности, с коими навсегда пребываем» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60 Л. 167; Пак 2002: 140].

Тем временем Япония последовательно осуществляла свой курс на установление полного контроля над экономикой и политикой Кореи, через передачу в руки Японии важнейших внутри- и внешнеполитических функций.

9 (22) августа 1904 г. Корея была вынуждена подписать «Конвенцию о советниках», которая обязывала ее приглашать по рекомендации Японии финансового, дипломатического и других советников и принимать важные внутри- и внешнеполитические решения только после советов с ними. Согласно конвенции корейское правительство должно было предварительно консультироваться с японским правительством при заключении договоров с иностранными державами и по другим важным дипломатическим вопросам [British documents ... 1926: 112–113].

25 августа (7 сентября) 1904 г. советник японской миссии в Корее Дурхам Уайт Стивенс был назначен советником корейского Министерства иностранных дел. Убежденный сторонник Японии, Стивенс состоял к тому времени уже 22 года на службе японского правительства. Он занимал видную роль в управлении внешней политикой Кореи, будучи, фактически, министром иностранных дел корейского правительства. По мнению посланника в Вашингтоне А. П. Кассини, главная задача Стивенса состояла в том, чтобы быть посредником между корейским императором и японским правительством, в расчете на то, что Стивенсу как иностранцу легче будет оказывать влияние на Коджона [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 9].

Из других японских гражданских чиновников, назначенных для Кореи, прибыли главный дворцовый советник Като, фи-

нансовый советник Мегата. В Корею был назначен особый «Начальник военных сил» в лице генерала Хасегава, командира гвардейской дивизии. 14 (27) сентября в Корею прибыли японский министр путей сообщения Оура, директор железнодорожного департамента Ямауци и президент Сеуло-Фузанской железной дороги Фуруици [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 13].

Продолжалось систематическое завладение свободными землями — по так называемой «схеме Нагамори» — всех не обрабатываемых земель в Корее. Расширило сферу своей деятельности учрежденное в 1903 г. «Общество развития земледелия в Корее» (Канкоку Канно Квай). Усиленными темпами шло сооружение железнодорожных линий Сеул — Фузан, Сеул — Ыйчжу, Антунсян — Ляоян, Сеул — Гензан, Фузан — Масампо — Чинхэ, Пиньян — Сончин.

В результате японцы практически установили свой контроль над внешней политикой Кореи и получили возможность открытого вмешательства во внутренние дела страны [Пак 2004: 366].

В донесении от 9 (22) октября 1904 г. русский агент Н. Роспопов усматривал в действиях японского правительства в Корее хорошо продуманную схему. Назначение Хасегава, одного из старших боевых генералов, участвовавшего в боях под Цзюлянчэном и Ляояном, с целым штабом в Корею, где войска, за исключением небольшого гарнизона в Гензане (численностью около 3 000 человек), отрядов в Сеуле и на этапной линии по направлению через Пиньян на Ыйчжу, по мнению Роспопова, свидетельствовало о наличии у японцев серьезного плана подготовить Корею для будущей оборонительной кампании [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 14об.].

Задача генерала Хасегава и его штаба, как он небезосновательно считал, состояла в том, чтобы, во-первых, подготовить театр действий, разработать пути сообщения, выбрать лучшие позиции для выгоднейшей дислокации войск, обеспечить продовольствие, подавить враждебное брожение корейцев; во-вторых, создать такую базу, которая обеспечила бы тыл оперирующих в Корее войск, не только в военном, но и продовольственном смысле. Лучшим пунктом для этого являлся Масампо-Каргодо, находящийся в самом богатом в Корее крае (Чолладо) и совершенно неприступный, как с моря, так и с суши, владея которым, япон-

цы были уверены в полном разобщении и парализовании Порт-Артура и Владивостока [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 15].

Русско-японская война тяжело отразилась на положении в Корее. В стране был установлен свирепый японский жандармско-полицейский режим. Территория, по которой проходили японские войска, была разорена. На пути их следования население покидало дома и бежало в леса и горы. Крестьяне не засеивали поля, зная, что урожай будет полностью отобран на нужды японской армии [Козлов 1904: 54–55].

Действия Японии в Корее вызвали протесты со стороны России [Пак 2004: 201–202].

Симпатии корейцев в годы войны были неизменно на стороне России, видевших в ней главное препятствие установлению японского господства в Корее. В одном из писем Николаю II Коджон, говоря о переживаемых Кореей от японцев «неисчислимых бедствиях», выражал надежду, что при «великодушном покровительстве России счастье и благоденствие Кореи будут обеспечены и существующие дружеские отношения между нашими государствами еще более укрепятся» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 58. Л. 6].

Имеются многочисленные документальные свидетельства, говорящие о готовности солдат и офицеров корейской армии оказывать помощь и содействие русским войскам [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 27177. Лл. 1–80; Пак 2004: 371].

Содействие России в войне против Японии, передавая русскому командованию сведения о военном положении в Маньчжурии и Корее и призывая корейцев к поддержке России в войне против Японии, оказывала и корейская миссия в Петербурге. Посланник Ли Бомджин, несмотря на то, что корейское министерство иностранных дел по указанию японцев предписало ему вернуться в Корею, с разрешения российского правительства до конца войны оставался в Петербурге. На содержание миссии было выдано по 7325 руб. ежеквартально с февраля 1904 г. по декабрь 1905 г. [Пак 2002: 46–51].

В сентябре 1904 г. Ли Бомджин сообщал А. Н. Куропаткину, что в Корее «на прочных началах организована русофильская партия», что «корейский император и его правительство по-прежнему уповают на помощь России и ожидают прибытия русских

войск» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 149–150об.].

Россия разрешила Ли Бомджину и другим членам Корейской миссии остаться в Петербурге и после того как Корея утратила независимость в результате аннексии Японией [ГАРФ. Ф. 102, 00. Оп. 316. 1904. Ед. хр. 2396. Л. 37–82; Пак 2011: 11–25].

Заключение

Российская дипломатия накануне и во время русско-японской войны предпринимала немалые усилия по обеспечению самостоятельного существования Корейского государства и предотвращению окончательного перехода этой страны во власть Японии, активно поддерживала попытки корейского императора Коджона сохранить независимость.

Россия первой из держав признала нейтральный статус Корейского государства. При выработке позиции МИД по этому вопросу определяющую роль сыграло мнение российского посланника в Сеуле, считавшего, что сохранение Кореей нейтралитета расстроит расчеты японского правительства связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат.

Во время русско-японской войны Россия, единственная из держав, заявила, что признает незаконным захват Японией власти в независимом и заявившем о соблюдении им нейтралитета Корейском государстве, призывая державы к тому же. Российское правительство не признало дипломатические отношения с Кореей прерванными официально, а лишь временно затрудненными «вследствие незаконного захвата власти в Корее Японией».

Работая в сложной обстановке, российские дипломаты и агенты проявили тонкое понимание ситуации и дальновидность. Благодаря им в Петербурге еще до начала военных действий было известно о планах японского командования готовить в Корее базу для будущей войны.

Российские дипломаты противостояли попыткам японской стороны запугать Коджона с целью вынудить у него согласие на установление над Кореей японского протектората. Российский посланник сумел удержать корейского императора от принятия навязываемого соглашения о назначении в Сеуле японского резидента.

Своей искренней заботой о благе Кореи, безопасности Корейского правящего дома российские дипломаты сумели завоевать расположение и доверие корейского императора, не раз обращавшегося с просьбой о представлении ему убежища в русской миссии в случае личной опасности.

Действия Японии по установлению полного контроля над экономикой и политикой Кореи вызвали протесты со стороны России. К несчастью для Кореи, Россия, переживавшая серьезный экономический спад и втянутая в войну с Японией и ведущая ее в

состоянии полной изоляции, не могла в тот момент оправдать надежд корейских патриотов на серьезную помощь в деле защиты независимости страны от японских посягательств.

Потерпев поражение в ходе русско-японской войны, Россия не имела возможности помешать осуществлению аннексионистских планов Японии и вынуждена была примириться с потерей последних остатков независимости и суверенитета корейского государства.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
Gosudarstvennyy arkhiv Ros-siyskoy Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Archive of Military History].

Литература

- Козлов 1904 — Козлов В. Д. В тылу у японцев (набег партизанов в Корею). СПб.: коммерческая типолитография М.: Виленика, 1904. 172 с.
Краснов 1906 — Краснов П. Н. Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года. Т. 1. СПб.: Летопись войны с Японией, 1905. 586 с.
Левицкий 1933 — Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Сокращенное издание. М.: Гос. воен. изд-во, 1933. 386 с.
Пак 2004 — Пак Б. Д. Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М.: ИВ РАН, 2004. 522 с.
Пак 2002 — Ли Бомджин / Российская Академия наук, Институт востоковедения; Общероссийское объединение корейцев; [отв. ред. Ю. В. Ванин; сост. Б. Д. Пак]. М.: ИВ РАН, 2002. 205 с. (Серия «Российские корейцы».)
Пак 2011 — Пак Б. Б. Российско-корейские отношения и Ли Бомчжин накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Центра корейского языка и культуры.

Вып. 13. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 11–25.

- Akagi 1936 — Akagi R. H. Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936. 577 p. (In Eng.)
British documents ... 1926 — British documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. IV. London, 1926. 658 p. (In Eng.)
Pavlov 2011 — Pavlov D. B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–1905. *Eurasian Review*. Vol. 4. November 2011. Pp. 42–50. (In Eng.)

References

- Akagi 1936 — Akagi R. H. Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936. 577 p. (In Eng.)
British documents ... 1926 — British documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. IV. London, 1926. 658 p. (In Eng.)
Kozlov V. D. *V tylu u japontsev (nabeg partizanov na Koreiu)* [In the rear of the Japanese a (partisan foray into Korea)]. St. Petersburg: M.: Vilenchik, 1904. 172 p. (In Rus.)
Krasnov P. N. *God voyny. 14 mesiatsev na voine. Ocherki russko-yaponskoy voyny s fevralya 1904 goda po aprel' 1905 goda.* [The year of war: 14 months in the war. Essays on the Russo-Japanese War: February 1904 to April 1905]. Vol.1. St. Petersburg: Letopis' Voyny s Yaponiey, 1905. 586 p. (In Rus.)
Levitsky N. A. *Russko-Japonskaia voina 1904–1905 gg.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905]. Abr. ed. Moscow: State Military Publ. House, 1933. 386 p. (In Rus.)
Pak B. D. *Rossia i Koreia* [Russia and Korea]. 2nd ed, suppl. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2004. 520 p. (In Rus.)
Pak B. D. (comp.). Lee Bomjin. (Ser. 'Russian Koreans'). Vanin Yu. V. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2002. 205 p. (In Rus.).

- Pak B. B. Russo-Korean relations and Lee Bomjin on the eve of and during the Russo-Japanese War of 1904-1905. *Vestnik Tsentra koreiskogo yazy-ka i kul'tury*. Is. 13. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011. Pp. 11–25. (In Rus.).
- Pavlov 2011 — *Pavlov D. B.* The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–1905. *Eurasian Review*. Vol. 4. November 2011. Pp. 42–50. (In Eng.)

